

FALL OF NORMATIVE HUMAN NATURE,
OR WHERE IS THE ANTHROPOLOGICAL TURN LEADIG TO?

Abstract. The article focuses on the problems of marginal anthropology, which is considered in the context of expanding system of anthropological coordinates. The key point under discussion is the turn «from human to monster» and the soft expansion of abnormality into the world of everyday life. We are talking about the marginal and infernal phenomena of modern mass culture, which are considered in the logic of deviation and perversion in the framework of the binary opposition of «own and Others». In traditional culture, monsters were antagonists. They set a system of negative repulsion coordinates. But the postmodern culture paradigm forms a transboundary and tolerant attitude towards them. At the same time, the traditional opposition of a monster and a human falls apart under the pressure of two counterprocesses. On the one hand, there is an underlying «humanization» of monsters, on the other hand, people themselves acquire monstrous features. All this raises the question of symbolic safety and hygiene rights.

Key words: norm, monster, vampire, werewolf, zombie, tippler, freak, stranger, monstrousness, humanism, transhumanism, deviation, perversion, Human death, Marginal anthropology, Anthropological turn.

УДК 177

А.В. Дронов

ОЧЕРТАНИЯ ГРЯДУЩЕГО СУБГУМАНИЗМА:
О ХУМАТОНАХ, ФИЛИСТЕРАХ И ЖИВОТНЫХ.
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СЕКАЦКОГО И МАЛКОЛМА БУЛЛА

Аннотация. В статье анализируются изменения в семантике понятия гуманизма в современную эпоху на материале работ М. Булла и А. Секацкого. В частности, рассматриваются понятия сверхгуманизма и субгуманизма, принципы инклюзивности и эксклюзивности, перспективы позитивной и негативной экологии ценностей.

Ключевые слова: субгуманизм, эгалитаризм, эксклюзивность, инклюзивность, негативная экология ценностей, Ф. Ницше, М. Хайдеггер.

Мой доклад воодушевлен интересом к существу той тревоги, которая наполняет два совершенно различных текста, посвященных текущим тенденциям изменения общества, человека и человеческой коммуникации. Речь идет в первом случае о широких культурологических наблюдениях и прогнозах, собранных Александром Секацким под обложкой одной из недавних его книг – «Последнего витка прогресса» [3]. Вторым текстом является «Анти-Ницше» Малколма Булла [1] – книга, внешне нацеленная на преодоление устойчивой к критике логики ницшеанства и уже тем вынужденная вновь поднимать вопросы о нигилизме, экологии ценности и границах человека.

Стоит сразу отметить, что предметом моего интереса (как и вышеобозначенной тревоги) являются изменения в значении понятия гуманизма и скрытая в нем амбивалентность, а не действительные или мнимые изменения в природе человека. Различие идеологического и антропологического срезов проблемы (более отчетливое в книге Булла, менее заметное, но тоже присутствующее у Секацкого) мне представляется важным. Ни о какой антропологии (даже социальной, не говоря уже о физической) ниже речи не пойдет. Все термины, служащие указателями на ту или иную лишенность или «недочеловеческое состояние» в целом, – такие как «филистер» и «животное» у Булла или «хуматон» и neosapiens у Секацкого, – имеют здесь смысл адресатов социального признания, т. е. индикаторов изменения логики гостеприимства и функционирования инклюзивных норм, по традиции подпитываемых очевидностью и сакральным характером гуманистических ценностей. Суть проблемы и источник тревоги заключаются, таким образом, не в том, что люди-де вырождаются в хуматонов или животных, а в том, что неразличимость между человеческим и недочеловеческим каким-то странным образом соответствует логике гуманизма.

Чтобы определиться с понятием гуманизма и отпрямляться от какого-то регулярного его значения, я позволю себе обратиться к контексту критического обсуждения этого термина в «Письме о гуманизме» М. Хайдеггера [5]. Такое обращение представляется мне оправданным еще и тем, что сама эта работа наряду с более ранним лекционным курсом «Основные понятия метафизики» и текстами, прямо посвященными Ницше, служат предметом подробного обсуждения у М. Булла в связи с предполагаемым анти- и постницшеанством Хайдеггера, а хайдеггерианский словарь периода «Бытия и времени» несистематически, но довольно настойчиво привлекается в записках А. Секацкого.

Сверхгуманизм Мартина Хайдеггера: несводимость человека к внутримирному существу

Отвечая на вопрос Жана Бофре о перспективах возрождения понятия гуманизма (в связи с незадолго до этого вышедшим манифестом Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм»), М. Хайдеггер обращает

ется к истокам этого понятия, указывает на изменение его значения в различных исторических контекстах и его прямую зависимость от метафизического решения проблемы сущности человека.

Я предлагаю обратить внимание на два момента в этом хорошо известном тексте. Во-первых, на то, что в любой из своих исторических форм, т. е. в качестве римского, ренессансного, христианского, марксистского, экзистенциалистского, гуманизм поддерживает работу механизма сегрегации, различия человеческого и не вполне человеческого. Причем само это различие проводится в интересах исключения недочеловеческого из сферы социально значимого. Эта логика эксклюзивности, отказ от признания того, что лишено *humanitas* (*homo humanus*, безусловно, выше и достойнее *homo barbarus*) [5, с. 196], и соответствует тому, что на языке Булла определяется как «положительная экология ценности». Таким образом, классическое понятие гуманизма основано на представлении об иерархии, предполагающей возможность сравнения, различения и отказа в признании. При этом человек как сама человеческая сущность (*humanitas*, *Menschlichkeit*, человечность человека) действительно объявляется высшей ценностью, а ее обладатель наделяется высоким достоинством. Вот только во всех версиях гуманизма это достоинство не является полностью врожденным, т. е. обладание *humanitas* не гарантируется принадлежностью к биологическому виду. Гуманизм всегда требует от *homo barbarus* некоторого усилия, осведомленности, свободы или благодати, дополнительных к его природе *homo* и единственно только и обеспечивающих ему принадлежность к подлинной человечности.

Второе привлекающее здесь внимание – это то, что отказ Хайдеггера признать гуманизм в качестве горизонта, обуславливающего отношение к человеческой сущности и фактическому человеку, также вписывается в эту логику эксклюзивности. Всякий гуманизм постольку не может быть принят всерьез, поскольку метафизически (т. е. в обход вопроса о бытии) принимает человека за внутримирное сущее и не домысливает до его подлинной сущности: «экзистенции» (согласно терминологии «Бытия и времени»), «мирообразующего» сущего («Основные понятия метафизики») или «просвета бытия» («Письмо о гуманизме»). В этом смысле хайдеггеровский отказ от гуманизма и высокой ценности метафизически понимаемого человека следует считать скорее проявлением некоего сверхгуманизма, нежели негуманности. М. Булл так характеризует его позицию: «Хотя может показаться, что Хайдеггер отвергает гуманизм, он выступает против него только “потому, что он ставит *humanitas* человека еще недостаточно высоко”. Только сущность человека соотносится с бытием. Представлять “человека только особым сущим среди других сущих (растений, животных)” – это слишком инклюзивный подход. Стояние “в просвете бытия” – “способ, каким человек в своем подлинном существе пребывает при бытии”. Просвет, как открытое, “есть скрывающее и сокрытие бытия», и «человек и только человек смотрит в открытое”. Другие живые существа отделены от

него «пропастью»» [1, с. 146]. Вот так: эксклюзивная логика гуманизма, распределяющая среди тех, кто в силу родовой характеристики (*animal rationale*) неразличим со «скудомирным» животным [4, § 45–63], – это «слишком инклюзивный подход».

Субгуманизм Малколма Булла: животное как перспектива бесконечного разравнивания социального поля

Булл вступает в схватку с «необоримым» (Ницше), в первую очередь, конечно же, из агонального мотива, соотнося свой замысел с почтенной традицией критиков Ницше, по тем или иным причинам не достигающим успеха, несмотря на очевидность своих аргументов. Сила влияния Ницше представляет собой притягательную загадку. Речь идет об известном очаровании ницшеанства и странном упорстве очевидно дискредитированных своими следствиями тезисов. Именно здесь антиницшеанство Булла опирается на аксиому классической диалектики, знакомую любой истории преодоления: отрицать еще не значит преодолевать. Как отмечает сам Булл, «постмодерн взрастил кучу постницшеанцев, озабоченных тем, как бы приспособить Ницше к своей собственной повестке, но было крайне мало постницшеанских антиницшеанцев, то есть критиков, чей ответ был бы направлен не на то, чтобы помешать нам дойти до Ницше, а на то, чтобы позволить нам его превзойти» [1, с. 58].

В каком же смысле работа самого Булла является антиницшеанской, т. е. предположительно не движется по прочерченной Ницше траектории? Предлагая читать «с позиции лузера», Булл рассчитывает преодолеть молчаливо принимаемые границы самого ницшеанского контекста, которые навязывают нам в качестве безальтернативной тенденцию гуманистического восхождения, или, используя термин Булла, позитивную экологию ценности: «В этой книге предполагается, что на Ницше не может быть гуманистического ответа, который бы увеличивал, а не уменьшал значение мира. Любая, более негативная, чем у Ницше, экология должна быть недочеловеческой» [1, с. 10]. Звучание тезисов, очевидностью которых придется пожертвовать в уплату свободы от ницшеанской траектории, может показаться обескураживающим. К числу последних принадлежат не только очевидное в мире ценностей предпочтений превосходство человека над животным, силы над слабостью или здоровья над болезнью, но и такая обычно не замечаемая и не вызывающая сомнений ценность, как превосходство тенденции к повышению смысла над тенденцией к его понижению или даже полному исчезновению.

Я предлагаю обсудить понятия позитивной/негативной экологии ценности и субгуманизма на том основании, что, по мысли автора, именно они задают ту обычно даже не принимаемую к рассмотрению траекторию, которая способна выводить за пределы ницшеанства, оставляя его позади, а не в стороне.

Книга Булла открывается рассуждением о пустом множестве филистеров. Многочисленные обвинения в филистерстве, рассыпанные в публицистике и политической риторике, предъявляемые совершенно разным адресатам, рассматриваются Буллом как симптом определенной социальной фобии, которой легко находят исторические аналоги. Например, XVI век изобиловал обвинениями в атеизме и был преисполнен ужаса перед распространением этой чудовищной угрозы самому социальному порядку и человеческому облику. И все это в отсутствие мировоззренческих позиций и реальных групп, для которых атеизм служил бы самообозначением. Веком позже, с появлением действительных атеистов и постепенным обживанием этой позиции, роль всеобщего пугала и нечеловеческого извращения взяло на себя понятие анархизма. Последующие времена испытывали содрогание перед понятиями имморализма и нигилизма, резонно связывая с упадком нравственного чувства и разравниванием иерархии ценностей не только распад социального поля, но и самого мира человеческого. И вот теперь — филистеры, этакие недолуды, не испытывающие нужды в искусстве. В самом деле: в исторической ретроспективе все выглядит не так страшно. Человечность человека, его *humanitas*, вполне может пережить отмирание религиозного чувства или пиетета перед источником политической власти. Затем социальная норма окажется гостеприимной к человеку без совести или духовных запросов. Сегодня мы из неопределенно «гуманитарных» или прямо гуманистических соображений готовы «понять и простить» почти любую социальную девиацию, «по-человечески» (т. е. терпимо или безразлично) отнестись к любым формам недочеловеческого. Это именно та перспектива, которая так тревожит Секацкого и столь провокативно приветствуется Буллом. Сначала о том, почему приветствуется.

Здесь Булл исходит из тезиса Ницше о неравенстве как источнике ценности: значимость удерживается именно процедурами исключения. Но при этом предлагает посмотреть на ситуацию с точки зрения тех, за счет кого возрастает ценность тех или иных социальных позиций. Такое перепрочтение Ницше он называет «чтением с позиции лузера». Именно с этой позиции открывается парадоксальная ценность обесценивания, той ненавистной для любого ницшеанца нивелировки, разрастания пустыни нигилизма, тенденции к понижению значимости. Причем, в отличие от Хайдеггера, Булл не видит в «мирообразующей» сущности человека тех границ, которые нигилизм не мог бы переступить, унося остатки смысла в поле животной «экскоммуникации» [1, гл. 5]. «И если превращение человека в Сверхчеловека будет наполнять нас ужасом, дегуманизация человека, превращающая его в стадное животное, поразит нас, представившись предложением долгожданной передышки от жестокого хищника и открытием новых возможностей недочеловеческой общительности» [1, с. 76].

Последовательно проводя логику эгалитаризма, гостеприимно уравнивающего неравных, Булл не останавливается перед перспективой включе-

ния в человеческое сообщество наименее соответствующих каким-либо критериям человеческого. Он называет такое недочеловеческое равенство экстраэгалитаризмом. Основанный на логике инклюзивности, он-то и соответствует понятию негативной экологии ценности. «Если эгалитаризм производит общество и производится обществом, у которого больше нет сил на эксплуатацию, экстраэгалитаризм производит общество, в котором никто остается позади, или, как говорит Ницше, “общество, утратившее силу извергать из себя вредные ему элементы”» [1, с. 125].

Подобно Бруно Латуру, который из несколько иных оснований говорит о «свидетельстве нечеловеков» и «парламенте вещей» [2], Малколм Булл охотно принимает недочеловеческое сообщество. И принимает его потому, что видит в нем единственную альтернативу широко понимаемому фашизму, идея которого видится ему в том, «что определенные человеческие экологии являются предельным источником значения» [1, с. 162]. Как он замечает чуть ниже: «Дополнительный вывод из этого состоит в том, что другая экология, недочеловеческая экология, могла бы поддержать нигилизм, а не предотвратить его дальнейшее распространение» [1, с. 163]. Именно таким образом, через *tollendo ponens*, наша воля оставаться людьми выводит нас за пределы собственно человеческого состояния.

**Позиция Александра Секацкого:
превращенный гуманизм эпохи транспарации
как лайт-версия гуманизма эпохи Просвещения**

Может показаться, что книга Александра Секацкого сводится к тезису об измельчании человека до упрощенного и уплощенного субъекта — «хуматона» — в эпоху успешной и вместе с тем карикатурной реализации утопии Просвещения, в эпоху т. н. «транспарации». Это тоже было бы достойным тревоги предметом, но я позволю себе интерпретировать основное содержание работы «Последний виток прогресса» несколько иначе. Действительно, измельчанию человека до агента «плоско-субъектного континуума» (ПСК) способствуют многие социальные факторы: увеличение скорости обменов различного типа (денег, товаров, новостей), упрощение форм доступа к информации и снижение ее содержательной нагрузки, распространение массовой культуры, выхолащивание и формализация политической жизни и форм участия в ней и т. д. Все это снижает потребность в аскезе, устраняет болезненные ритуалы инициации, освобождает индивида от фактически всех форм активности, собственно «субъектности», оставляя на его долю быть лишь субъектом претерпеваний, да и то необременительных. Так появляется поколение «сникерснутых», недалеких, но простых и доброжелательных хуматонов, носителей морали Микки-Мауса, чьим наиболее полным мифологическим выражением является образ Форреста Гампа из одноименного фильма Роберта Земекиса. Это действительно правдоподобная картина, но мне бы хотелось в этом описании обратить внимание

на одну деталь, непосредственно связанную с судьбами гуманизма и значением этого понятия, а не обсуждать морфологические черты *neosapiens*.

Может показаться, что здесь, как и в случае «недочеловеческой экологии» Булла, происходит отказ от принципов классического гуманизма и в работу вступает логика инклюзивности, готовность принять в сообщество все что угодно. Но при внимательном чтении ситуация предстает более сложной. Здесь действительно работают облегченные формы признания и вступления в клуб цивилизованного человечества. Но вместе с тем то, что подразумевается Секацким под риторикой политкорректности или чертами «экологического маразма», имеет характер новой нормативности, столь же строгой и требовательной по форме, как и классическая, но иной по содержанию. Логика эксклюзивности продолжает свою работу, однако новый гуманизм принимает извращенную форму: отныне вполне нормальным может быть признан только тот, кто демонстрирует добродетели хуматона и чьи благожелательность и простодушие не вызывают подозрений. Любые следы принадлежности к архаичной культуре «субиков» расцениваются как свидетельство принадлежности к *homo barbarus*, и новая гуманность требует от хуматона по отношению к ним как минимум сочувствия и снисхождения (что, безусловно, отлично от признания), а лучше деятельного вмешательства, возможно, оперативного [3, с. 61]. Вот они – «субики: нервные, претенциозные, впадающие в отчаяние по пустякам и совершенно не умеющие оттягиваться, получать удовольствие. Субики считают себя умными, потому что они много думают. И еще потому, что иногда читают скучные книжки, смотрят отстойное кино и презирают простые и понятные вещи» [3, с. 58].

Ригоризм этого нового гуманизма хорошо иллюстрируется на примере расширения понятия агрессии. Приведу пространную цитату: «Слишком оживленный разговор в публичном месте – агрессия, случайное сокращение дистанции между прохожими – тоже агрессия, о “сексуальных домогательствах” нечего и говорить [...] Уже лет десять назад в качестве проявления агрессии стало восприниматься использование духов и дезодорантов, сегодня эта тенденция дошла наконец до официальных запретов “применения” духов в офисах и некоторых публичных местах. Остается ждать включения сильнодействующей парфюмерии в разряд химического оружия. Возможно, что следующим шагом станет запрет специй и пряностей на “предприятиях общественного питания”, ведь переход к безвкусной пище вполне можно расценить как новую победу над агрессией» [3, с. 22]. Критерием социальной нормы становится не благо ближнего или всего социального и человеческого целого, а «удобство первого встречного». Причем санкции за причиненное первому встречному неудобство могут быть весьма ощутимыми и, по прежним меркам, непропорциональными. Именно этому и служит недавно обретенное понятие экстремизма. Сегодня любое оригинальное, нестандартное или попросту заранее не согласованное действие или слово (всегда бывшие прерогативой подлинного субъекта и сви-

детельством его *humanitas*) могут быть расценены каким-нибудь первым встречным (а вместе с ним и обществом в целом) как проявление экстремизма и свидетельство подлинного варварства (*barbaria*). Такой вот перверсивный гуманизм.

По сравнению с такой позитивной экологией ценностей и логикой исключения сниженного «гуманизма для всех» общество бесконечного разравнивания Булла и присущий ему субгуманизм и принцип абсолютной неразличимости покажутся не самой худшей перспективой. Ведь в последнем гуманность животных заключается в том, что они намеренно отказываются различать среди своих людей и нелюдей, а в первом недолуды ставят себе в заслугу умение исключить из своих рядов неудобных людей в качестве нелюдей. Безусловно, удручают обе перспективы: как преследование и непризнание со стороны кого-то сверхзначимого, так и полная неразличимость в стаде дегенератов, но их взаимное наложение – преследование со стороны дегенератов – невольно вызывает в памяти определение тирании у Платона. Ведь тирания плоха не просто тем, что она есть, по сути, пребывание в рабстве, но тем, что – в рабстве у раба.

Библиографический список

1. Булл М. Анти-Ницше. М., 2016.
2. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по асимметричной антропологии. СПб., 2006.
3. Секацкий А.К. Последний виток прогресса. СПб., 2012.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб., 2013.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 192–220.

Alexey V. Dronov

OUTLINES OF THE COMING SUBHUMANISM: HUMATONS, PHILISTINES AND ANIMALS. A COMPARATIVE READING OF ALEXANDER SEKATSKY AND MALCOLM BULL

Abstract. The report analyzes the changes in the meaning of the concept of humanism in the contemporary time, which is considered in the works of M. Bull and A. Sekatsky. In particular, the concepts of superhumanism and subhumanism, the principles of inclusiveness and exclusivity, the prospects for positive and negative ecology of values are considered.

Key words: subhumanism, egalitarianism, exclusivity, inclusiveness, negative ecology of values, F. Nietzsche, M. Heidegger.